

3. Сибирское летописание

Практические нужды московского правительства вызвали во второй половине XVII в. большой поток различного рода сочинений о Сибири, главным образом, географических описаний. В течение всего XVII в. для

многочисленных русских посольств в Китай подбираются справки о маршрутах и описания Сибири в Посольском и Сибирском приказах и в самой Сибири. Так, например, известно, что для задуманного в 1675 г. путешествия Николая Спафария тобольский воевода Салтыков опрашивал русских и бухарских купцов о дороге в Китай.

Особая географическая литература о Сибири возникла в связи с многочисленными заказами московского правительства на карты. В делах Сибирского приказа сохранились указания на сотни чертежей, составлявшихся в Сибири в течение всего XVII в. Чертежи эти делались на местах главным образом на основании расспросов различных «землепроходцев», купцов, бывалых людей, знающих местных жителей и даже иноземцев. Так, например, чертежи сибирских земель 1668 г. были сделаны не только «за свидетельством всяких чинов людей, которые в сибирских во всех городах и острогах, хто где бывал и горы и остроги и урочища и дороги и земли знают подлинно...», но «также за свидетельством иноземцев и приезжих бухарцев и служилых татар».

Все эти люди, привлеченные со стороны к составлению чертежей, давали сведения о торговых путях и различных маршрутах, часто сообщали описания виденных ими земель, рассказывали местные легенды, предания о походах Ермака. По заведенной традиции, чертежи Сибири снабжались описаниями, в которые заносились этнографические, географические и исторические сведения, полученные изустно или списанные из предшествующих сочинений.

Рукописи с географическими и историческими описаниями Сибири во множестве находились в Сибирском и Посольском приказах в Москве, в Тобольской приказной палате и по другим местам. Описания Сибири проникают в Космографии, в Степенные книги, составляют самостоятельные сочинения, широко распространенные не только в официальной среде, но и среди «снискательных» читателей.

Помимо географических описаний Сибири, отдельные географические и исторические сведения можно было найти в писцовых и переписных книгах сибирских уездов, в «ясачных книгах», в «доездах» служилых людей об осмотренных ими или покоренных «новых земляцах», в «статейных списках» посольств в мунгальские, калмыцкие и другие земли, даже отчасти в росписях сибирским городам и острогам. На основании всей этой литературы и новых расспросов, в связи с требованиями правительства на новые чертежи, время от времени составлялись более или менее обширные своды — городовые летописи, географические описания с историческими сведениями. К 1672 г. относится чертежное описание: «Список с чертежа Сибирския земли», текст которого, кстати сказать, повлиял на описание путешествия Николая Спафария. Около 1683 г. было составлено «Описание новыя земли, сиречь сибирского царства», где, наряду с географическими сведениями, были привлечены и исторические, частью сходные с Ремезовскою летописью. От конца XVII в. сохранилась рукопись «Описание новыя земли Сибирского государства» и т. д. Само собой разумеется, что в такого рода описания, конечными основаниями которых были устные сведения, в обилии проникал фольклор, местная легенда, предания, более или менее искаженные или урезанные последующими компиляторами.

Усиленный интерес к Сибири и ее истории во второй половине XVII в. вызвал к жизни ряд новых повестей, стремившихся тенденциозно изобразить события похода Ермака.

Приблизительно в начале 70-х годов (до 1673 г.) была составлена, на основе Киприановской летописи, новая редакция Сибирской летописи, которая по своей идейной ориентации получила в научной литературе название «Строгановской». Основная цель Строгановской летописи — доказать участие Строгановых в покорении Сибири. Для этого она дополнила Киприановский летописец большим количеством справок, сделанных на основе грамот, хранившихся в архиве Строгановых. Для придания большего веса своим доказательствам, летописец цитирует грамоты иногда дословно, а затем всегда упоминает имена дьяков, скрепивших их, число и год их подписи, приводит имена бояр, которые приказали их быдать по царскому указу, иногда говорит даже о золотых царских печатях, которыми они были снабжены. Однако, как показали разыскания исследователей, эта якобы точная документация грамот не всегда соответствует действительности. На подлинных грамотах не оказалось многих из тех «подписей» и «приписей», на которые ссылается летописец. Все это введено в Строгановскую летопись, чтобы всячески подчеркнуть помощь, которую оказывали Семен, Максим и Никита Строгановы «буйственным и храбрым» казакам Ермака. Идиллически изображено снаряжение их в поход. «И отпевше соборне молебная пения... и удоволиша их мздою и одеянии украсиша их и оружием огненным, пушечки и скорострелными пищальми семипядными и запасы многими и всеми сими доволно сподобиша их, и вожев, ведущих той сибирский путь, и толмачев бусурманского языка им даша и отпустиша их в Сибирскую землю с миром».

Текст Строгановской летописи в общем ближе следует тексту Киприановской летописи, чем текст Есиповской. Однако и в ней основное повествование о походе Ермака подверглось некоторому витийственному распространению. Повидимому, к «Троянской истории» Гвидо де Колумна восходят в этой летописи два прекрасных описания расцветающей весенней природы, сходные с соответствующим эпизодом Повести Катырева-Ростовского.¹

Вышедшие из казацкого «написания», Сибирские летописи — Строгановская и Есиповская — получили широкое распространение, многократно переписывались и, постепенно утрачивая свой официальный характер, обросли различными фольклорными сюжетами. Во вступительной части летописей, согласно с народными песнями, подробнее рассказывалось о разбойничестве Ермака на Волге; некоторому усложнению подвергся рассказ о смерти Ермака; соответственно каким-то устным рассказам, в позднейшие варианты сибирских летописей вставлялись рассказы об убийстве на пиру русскими татарина Сейдяка, поперхнувшегося в момент, когда он пил задравную чашу за многолетие царя Федора Ивановича. Особенный интерес имеет вставка в Толстовский список XVIII в. Строгановской летописи песни о Ермаке, многократно записанной впоследствии от донских и уральских казаков, в Сибири и в б. Олонецкой губернии. Глава 8-я Толстовского списка рассказывает, как Строгановы, прослышав «о буйстве и храбрости поволжских казаков и атаманов Ермака Тимофеевича с товарищами, како на Волге на перевозех нагайцов и ардабазарцов громят и побивают и зело гораздо по Волге храбруют», послали к ним «людей своих с писанием и з дары многими», чтобы шли «в Чюсовские городки и

¹ На основании этих сходных описаний весны в Строгановской летописи и в Повести Катырева-Ростовского делались, между прочим, различные предположения о принадлежности Строгановской летописи то Кубасову, то Катыреву-Ростовскому.

острожки на помогание им противу неверных супостат». Казаки обрадовались приглашению и собрались в круг: «и начаша думати и советовати со единомысленною и преподоблею своею дружиною, итти ли им на помогание к Строгановым или нет». Затем идет запись самой песни, иногда прерываемая вставками переписчика летописи:

И собрався на устье матки Самары реки
 На крутом на красном на берегу,
 На желтом на сыпучем на песочку.
 Не ратная труба протрубила,
 Говорил атаман Ермак Тимофеевич:
 «О, есте, братцы атаманы и казаки донские,
 Яицкие, волские и терские,
 Думайте думу, братцы, с цела ума,
 Чтобы нам не продуматца:
 На Волге нам жить — ворами слыть,
 А на Дону нам жить — казакками слыть,
 А на Яик итти — переход велик...

Обычно в записанных вариантах этой песни следует:

А в Казань итти — грозен царь стоит,
 Грозен царь осударь Иван Васильевич...

Переписчик пропустил эти строки, согласно с данными своей летописи, которая ничего не сообщала о желании Ермака итти под Казань на помощь Грозному. Но его смутило и другое: «переход велик» был не только до Яика, но и до Сибири, а поэтому, чтобы внести разницу между этими двумя переходами, он добавил после слов «а на Яик итти — переход велик» разъяснение: «а се добычи нет», нарушив тем песенный ритм. После этой вставки снова следует текст песни:

Да нам же не гораздо шуточка нашугилась,
 Что розбили мы лотку коломенку
 И громили казну государеву:
 Из тово мушкета немецково
 Вылетала пулка свинцовая,
 Из тово кафтана камчатого
 Выносила бумагу хлопчатую,
 Убила посла государева...

Дальше текст песни сохранен лишь частично: вставлено титулование «государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии» и рассуждение Ермака о необходимости итти «на помогание» «честным людем» Строгановым — явно в интересах последних. Мотивировка его решения своеобразна: «и мы толко ныне не поидем таким честным людем на помогание, и они на нас стануть писать к Москве непослушание... и государь на нас раскручинитца, велит нас переимать и по городом разослать и по темницам разсажать, а меня, Ермака, велит государь царь повесить: потому что большому человеку болшая и честь бывает». Эти последние слова чрезвычайно характерны для разбойничьих песен. Мотив царского пожалования молодца «двумя столбами с перекладиною» встречается и в песнях о Степане Разине и в песнях о Пугачеве. В отличие от народных песен, составитель Толстовского списка вводит новый мотив не непосредственного прощения вины Иваном Грозным Ермаку «с товарищи», а через заступление Строгановых. Ермак надеется, что в случае, если он с казаками пойдет «на спомогание» Строгановым, «они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии, и государь царь до нас умилитца и отдаст нам пеню великую

вину». В таком же роде говорит и атаман Иван Колцов: «И взговорил атаман Иван Колцов: «Добро нам итти на помогание таким честным людем, а только нас господь бог помилует и неверных нам бог покорит под ноze наши, и Сибирское государство возем и град поставим и святая божия церкви воздвигнем и соберем себе славу вечную и укупим живота вечнаго и в предъидущия веки. Аминь.»

Итак, народная песня о Ермаке, включенная составителем Толстовского списка в Строгановскую летопись, подверглась здесь значительному искажению в пользу Строгановых. Тем не менее целиком сохранившиеся отдельные строки этой песни представляют существенную ценность как первые записи фольклора о Ермаке, сложившегося еще, повидимому, в конце XVI в.

Тому же составителю Толстовского списка принадлежит и любопытная, составленная в народном стиле концовка повествования о Ермаке: «Такова, братие, сия дивная повесть написася во славу божию, а в пользу чтущим, состаревшимся людем на послушание, а младым людем в научение и поощрение, а глаголющим многого разума на внимание, воином на храбрость, а древним на память».

Как можно видеть по обилию позднейших вставок и переделок в различных списках Строгановской и Есиповской летописей, фольклор о Ермаке получил особенное развитие в самом конце XVII в. Местная казацкая среда, в которой было немало лиц, имевших основание причислять себя к потомкам завоевателей Сибири, деятельно поддерживала этот интерес к истории Сибири. Многочисленные путешественники и завоеватели новых земель на востоке и юге Сибири живейшим образом интересовались историей первого завоевателя Сибири, чье дело они фактически продолжали. Именно из этой казацкой, военной среды вышли и первые исследователи сибирской старины, знатоки своего края. О наличии таких лиц в Сибири, деятельно интересовавшихся своим краем, мы можем судить хотя бы по работе голландца Витзена о «Тартарии» («Noord en Oost Tartarge», 1692). В своеобразную географическую хрестоматию Витзена были включены сведения, сообщенные Витзену из Соли-Камской, из Тобольска, из Селенгинска, даже из Мангазеи и т. д. Корреспонденты Витзена не были простыми носителями фольклора или просто бывальными людьми, скорее их можно назвать исследователями своего края. Это были люди нового времени, с новым подходом к истории и географии своей страны. Для них уже не существовало сомнений в необходимости использовать для изучения Сибири местные «бусурманские истории», предания, памятники материальной культуры. Сама жизнь толкала их к использованию данных непосредственного наблюдения и практического опыта.

Одним из таких местных знатоков Сибири был в конце XVII в. Семен Ремезов. Ремезов родился около 1663 г. в Тобольске. Интерес к истории родного края Семен Ремезов перенял от своего отца — стрелецкого сотника Ульяна Ремезова, который, как мы увидим впоследствии, также занимался собиранием сведений о Сибири, был «снискателем» и «хитр о делех». Семен Ремезов отличался чрезвычайно разносторонней одаренностью. Он был живописцем, знаменщиком, выдающимся картографом, архитектором, своеобразным этнографом и археологом.

В 1693—1694 гг. Ремезов «написал выносную часовню для поставления на реке Иртыше иорданного освящения воды», в следующем году он «сверх

служеб, сработал, сшил, и написал мастерски конным и пешим полкам седьмь камчатых знамен...» На основании приговора Сибирского приказа 1696 г. Семен Ремезов составляет чертеж всей Сибири, в 1701 г. он заканчивает грандиозный атлас Сибири, рисует «державцов российских» портреты и т. д. Помимо этого, Ремезов составляет этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием. В чертежах Ремезов указывает мольбища, кочевья, следы древних поселений и опустевших городов (на притоке реки Торгая «град пустой», в вершинах Енисея «город каменной старой, две стены целы, а две развалились, а которого города, того не знаем» и др.), места сражений (отметки: «костей много», «кости»), местные легенды о кладах (в устье Амура Ремезов помечает: «до сего места доходил царь Александр Македонский, ружье спрятал и колокол оставил»). Ремезову же принадлежит географическое описание Сибири, проекты каменного Тобольска, копии с «чюдского письма» на реке Ирбите и т. д.

В эпоху Петра Ремезов явился одним из первых и самых горячих поклонников его дела. В одном из своих сочинений он подробно передает содержание петровского наказа посланным в 1696 г. за границу молодым людям и тут же сочиняет восторженный панегирик наукам. Надо учесть при этом, что Семен Ремезов был постоянным жителем одной из самых отдаленных окраин и, кажется, только раз побывал в Москве.

Во время своих работ над чертежами Сибири Ремезов познакомился с различными местными легендами, с описаниями Сибири, с различными официальными документами о ее прошлом и настоящем. Но особенное значение имело для него постоянное обращение к живым устным рассказам. В 1696 г. Семен Ремезов был послан в Тобольский уезд «допрашивать и описывать» расстояние сел, деревень, рек, озер и ясачных волостей. «И в посылке Семен Ремезов многих людей, русских и иноземцев, старожил, бывальцов и ведомцов, про урочища допрашивал и остроги и волости описал». Об энергии, с которой Семен Ремезов собирал все, что касалось Сибири, ее истории и географии, говорит следующий случай. Тотчас по приезде в Тобольск завоевателя Камчатки казака Атласова, подавшего в Тобольский приказ «сказку» о походе, Ремезов явился в приказную избу и испросил разрешения у воевод «списать» эту «сказку» для себя. О «сказках» сведущих людей Ремезов упоминает также и в «Описании чертежной книги». В частности, он упоминает о «доезде» атамана Ивана Петрова, который побывал в Сибири «для проведывания земель» еще «преж Ермакова взятия Сибири». «Доезд» этот, как говорит Ремезов, и «доднесь в Тобольску у снискателей носится». На основании приведенных данных можно видеть, что Семен Ремезов представлял собою выдающегося знатока Сибири и сибирских преданий.

Собранные в разное время Ремезовым сведения о Сибири от «памятливых старожил» и по различным рукописям пригодились ему в составлении «Истории сибирской». Точно время ее составления неизвестно, но по ряду признаков можно предполагать, что она была выполнена им одновременно с его картографическими работами по Сибири и, во всяком случае, до 1703 г., после которого кем-то, возможно сыновьями Ремезова, к ней была добавлена Кунгурская летопись.

Авторство «Истории сибирской» устанавливается по приписке, сделанной в конце рукописи шифром: «писал Семен Ремезов». Композиция «Истории» оригинальна: она представляет собою ряд небольших статей, каждая из которых надписана над определенной иллюстрацией, выполнен-

ной самим Ремезовым. Иллюстрации предшествовали по выполнению тексту; места для текста не всегда хватало, отчего он, повидимому, подвергся некоторому сокращению. Содержание рисунков иногда шире содержания текста. Совсем без текста остались любопытные изображения воспитания Ермака: мальчик Ермак борется, стреляет в цель из лука, из пистолета, упражняется с мечом и т. д.

«История сибирская» использовала в качестве своей казны Есиповскую летопись, дополненную значительным количеством различных материалов, попавших в руки С. Ремезова во время его длительной работы над чертежами Сибири. Ремезов использовал для нее документы Сибирского приказа, Тобольской съезжей избы, рассказы «памятных бывальцев» и «старожитов», «бусурманские» повести и истории, т. е. татарские предания и татарские летописи, местные топонимические легенды, сведения о древних поселениях, городах, курганах, могилах и т. д. Рассказывая о бегстве вогулич «за Яскалбинские непроходимые болота и озера», Ремезов свидетельствует: «яко видимо и по днесь зарослые болота и озера идущему на лыжах валы бывают наперед и позади». Картографические интересы Ремезова сказались в летописи в стремлении подробно обозначать маршруты походов, давать точные указания на географическое расположение мест событий. Эта склонность особенно резко сказалась в отчетливых иллюстрациях к «Истории сибирской», представляющих собою своеобразные карты-панорамы, в которых изображения рек обычно более или менее сходно соответствовали реальному их течению.

Особенный интерес представляют для нас те устные, татарские и русские, предания и песни, которые были использованы Ремезовым в его «Истории сибирской». Любопытным историческим источником для Ремезова явились татарские плачи. Татары оплакивали в них покорение Сибири и рассказывали о Ермаке: «и тако чуден и страшен, егда глаголати им в повестях между собою, без слез не пребудут». Использовал Ремезов и проповеди магометанских шейхов. Он приводит легенду, которую рассказывали шейхи о видении, бывшем до покорения Сибири Ермаком. Боролись два зверя — большой белый и маленький черный. Маленький зверь убил большого, но большой вновь ожил через три дня. «И по сему проклятию бусурманы с Сибири вельми блазнятся, понеже шихи их в повестех истолковаша им, яко малой зверок, Ермак, бусурманство, яко большого зверя, уби и 3 день мертвой оживя, то по времени паки возмут Сибирь бусурманы в владение не надолго». Вошли в Ремезовскую летопись и различные татарские поверия, описания обрядов и обычаев. К сожалению, включая весь этот разнообразный материал в краткие надписи к рисункам, Ремезов его чрезвычайно урезал, придал ему крайнюю лаконичность и сухость.

Исключительный интерес имеет рассказ Ремезова о двух панцырях, подаренных Ермаку царем Иваном Грозным. Царский подарок казаку-разбойнику Ермаку оказывается таким же роковым, как и традиционное в разбойничьих песнях ироническое пожалование разбойника «двумя столбами с перекладиною». Тяжелый царский подарок мешает Ермаку вскочить в струг в то время, когда татары заманили Ермака в ловушку. Ермак тонет: «бежа в струг свой и не може скочити, бе одян двема царскими пансыри». О тех же панцырях в Ремезовской «Истории сибирской» приведены и татарские повести, переданные Семену Ремезову его отцом, стрелецким сотником Ульяном Ремезовым. Рассказ отца Семена Ремезова интересен

тем, что рисует самый процесс перехода местного предания в книжность. Монгольский тайша Аблай, кочевавший со своим народом недалеко от русских границ на юго-востоке и господствовавший над русскими путями в Ергень, в Китай, в Монголию и в Бухару, обратился в Тобольск в 1658 г. с просьбой передать ему панцырь, принадлежавший служилому татарину Кайдаулу-мурзе. Аблай-тайша считал этот панцырь Ермаковским и верил в его таинственную силу. Почитание этого панцыря было традиционным в его роду. С тою же просьбою обращался в Тобольск и отец Аблая — Байгиш-тайша, но получил отказ. В 1660 г. Аблай-тайша вторично настойчиво просил в Тобольске выдать ему этот панцырь. Не желая ссориться с могущественным соседом, тобольский воевода князь Буйносов-Ростовский отправил обнаруженный у сына умершего Кайдаула панцырь Ермака. С посольством в «ургу» к Аблаю-тайше был отправлен и отец Семена Ремезова — Ульян. «История» рассказывает о встрече Ульяна с Аблаем. Аблай торжественно принял панцырь Ермака, поцеловал, поднял его на голову, «хваляще царское величество и любовь», а затем спросил: «Знаешь ли, Ульян, где ваш Ермак лежит?» «И нача Аблай повести деяти о нем по своей истории, как приехал в Сибирь и от Кучюма на перекопе побеже и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и пансыри разделиша и развезоша, и как от пансырей и от платья чудес было, и как татару смертной завет положиша, что про него русакам не вещати». Ульян просил Аблая дать ему «сказку» обо всем этом «за его знамены и печатью», что Аблай и сделал через некоторое время.

Сведения этой «сказки» Аблая-тайши Ремезов и сообщает в своей «Истории сибирской». Труп Ермака, рассказывает Аблай, всплыл и был прибит к берегу Иртыша под «Епаньчинские юрты». Некий татарин Яныш, наживлявший в это время перемет, увидел у берега «шатающиеся человеческие ноги». Накинув на ноги переметную веревку, Яныш вытянул труп на берег и по панцырям догадался, что казак не простой. Яныш побежал к юртам и созвал жителей. Старый Кайдаул-мурза догадался, что это труп Ермака, так как знал, что «государь прислал ему 2 пансыря и каковы видеша». Тело Ермака кровоточило как живое. Его раздели и положили на «лабаз». Все, кто ни приходил; по обычаю («по завету») мстили Ермаку, вонзая в него стрелы, и «кровь свежа течаше, птицы же облеташа, не смея прикоснуться ему». Приехал и сам царь Кучум с мурзами; кондинские и обдаринские князья также вонзили в Ермака свои стрелы. Ермак являлся в видениях татарам, даже самому «Сейдяку царю», завладевшему в это время Тобольском, и требовал погребения. «Овии жь от него решишася ума; и именем его и до днесь божатся и кленутся». Затем описывается погребение Ермака «под кудрявою сосною» и тризна, для которой татары зарезали 30 быков и 10 баранов, учинив «жрение по своему извычаю». Под конец Аблай поведал о чудотворениях от тела и платья Ермака и о видениях над его могилой. «Се же видево абызы и мурзы, что закон их сквернен и престаево чудотворение, запретиша всем от мала и до велика же поминать имя Ермаково, да задлитца честь и слава, и могила его не явлена будет. Бе же видитца бусурманом и до днесь во вселенские субботы огненной столп до небеси, а по простым — свеща велия, горяща над главою его: се же бог своих проявляет». Надо полагать, что внесение этих рассказов в «Историю сибирскую» диктовалось стремлением изобразить деяния Ермака как подвиг святого.

Любопытно, что чертами житийного стиля отмечены и некоторые другие рассказы «Истории сибирской», например, о битве Ермака с Кучумом, во время которой знамя Ермака с образом Спаса само двинулось вперед и провело казаков невредимо под берегом. Мотив защиты казаков Ермака от татарских стрел Спасом неоднократно повторяется в «Истории сибирской», являясь, очевидно, церковным переосмыслением аналогичного фольклорного мотива о Ермаке:

И тому татары дивовалися,
Каковы руски люди крепкия,
Что ни едино убить не могут их:
Каленых стрел в них как в снопики наклепено,
Только казаки все невредимы стоят.

Как и другие «летописные истории» завоевания Сибири, «История сибирская» приводит географическое описание Сибири, быта и нравов населяющих ее народов и дает краткую родословную татарских царей. Составлена «История сибирская» языком простым, сжатым, скорее канцелярским, чем летописным. В конце «Истории», очевидно сыновьями Ремезова, помогавшими отцу в ее составлении, приложены несколько статей, в которых в витийственной манере говорится о загробном воздаянии воинам, подыскиваются аналогии Ермаку в русской истории, приводятся примеры «покорения язык [народов] христианом», рассказывается о «храбрости воинской», о «среднем царском пути» и т. д. Все это сделано с явным стремлением придать «Истории» С. Ремезова нравоучительный характер.

Исторические сведения, извлеченные из местного сибирского фольклора, встречаются в других работах С. Ремезова. В частично восстанавливаемом на основе поздней Черепановской летописи «Описании о народах Сибири» приведены любопытные татарские сказания — «О начале Сибирской земли» и «О начале происшествия народов Сибири». Отлично от «Истории Сибирской» излагаются С. Ремезовым некоторые эпизоды завоевания Сибири в составленной им к чертежам «Повести об окончательном покорении Сибири».

Позднее в «Историю сибирскую» были вплетены листы Кунгурской летописи. Как это установлено С. В. Бахрушиным, Кунгурская летопись, повидимому, была найдена С. Ремезовым в 1703 г. во время составления им в Кунгуре чертежа Кунгурского уезда.

Название «Кунгурская» имеется в самой рукописи. Кунгур построен в 1648—1649 гг. Это был главный пункт нового пути в Сибирь, которым охотно пользовались, несмотря на правительственные запрещения, во второй половине XVII в. в обход официальному пути через Верхотурскую таможенную. Таким образом, Кунгурская летопись, получившая свое название не ранее второй половины XVII в., не могла быть официальной городской летописью. Само положение Кунгура говорит за то, что летопись пришла в этот полуофициальный город с пришлым населением откуда-то со стороны. Ближайшее рассмотрение характера этого памятника показывает, что в нем мы имеем дело с единственным сохранившимся до нас образцом казачьего летописания. По отрывкам Кунгурской летописи, сохранившим несомненные признаки древности, мы можем приблизительно судить о том, каким могло быть то «написание», которое казаки подавали в 1622 г. в Тобольске архиепископу Киприану.

Составлена Кунгурская летопись языком сжатым, простым, точным, от-

части приказным. Язык Кунгурской летописи по своей выразительности и непосредственной связи с живым разговорным языком не имеет себе равных среди сибирских летописей.

В 1686 г. (как это установлено А. И. Андреевым) сложена любопытная историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком, включенная в «Описание Новые земли Сибирского государства», которое было составлено, повидимому, в Москве подьячим Посольского приказа И. Венюковым. Повесть эта была в конце же XVII в. использована в известной голландской книге «О северной и восточной Тартарии» Витзена. Повесть эта ни по содержанию, ни по стилю не похожа ни на одну из сибирских летописей. Она включает в себя различные народные рассказы о сибирском походе Ермака, изложена языком простым и вместе с тем вполне литературным, ритмичным.

История завоевания Сибири начинается со взятия Казани, чем подчеркивается обычная для народных песен о Ермаке связь этих двух событий. На основании народных рассказов повествуется здесь о «мужике Строганове», помогшем Ермаку без страха перед ним, о золоченых стрелах, которые разослал царь Кучум своим войнам, оповещая их о приближении Ермака; о двух пушках Кучума, которые по казакам «стрельбы не дали», за что Кучум велел их свергнуть «с высокие горы вниз в реку Иртыш». Фольклорной гиперболизацией звучит рассказ повести о том, как Ермак, спасаясь от татар и перескочив через три струга «мочию своею», упал «в воду, в великую реку Иртыш, в яр, в глубокое место» и пошел камнем ко дну.

В народном характере составлена отписка Ермака царю о завоевании Сибири, речи казаков и Ермака с утешениями друг друга перед битвой с Кучумом и т. д. Наконец легендарно звучит и рассказ о том, как Кучум после гибели Ермака велел сетями, баграми и «всякими снастями» искать в омуте тело Ермака: «А как сыщется, велю тело его вора атамана Ермака в части изрезать, и сам мясо его с родителями своими стану ясти, такова разорителя своего царства».

От конца XVII в. дошел до нас и ряд других сочинений: погодная летопись Тобольска, «Сказание о великой реке Амуре» и мн. др. Исторические, географические и этнографические сочинения о Сибири явились популярным чтением русского читателя XVIII в.